

изменяемых аффиксов над словообразовательными, в предпочтительном употреблении слово-изменяемых аффиксов для выражения грамматических связей.

Несмотря на названные различия в обоих языках осуществляется дифференция различных семитологических классов слов и отдельных частей речи по характеру их морфемного строения. Наличие такой дифференциации в английском языке пережившем значительную утрату флективных форм, свидетельствует о сохранении в нем основного принципа флективного строя, каковым, по В. Гумбольдту, является четкое разграничение частей речи (Гумбольдт 1984: 222). В армянском языке такая дифференциация более чем естественна.

В целом проведенное исследование подтверждает категориальный характер связи между двух сторон языкового знака – планом выражения и планом содержания (Зубкова 1999: 232).

Ссылки

- «1, С. 148»
- «2, С. 130»
- «3, С. 222»
- «4, С. 165-166»
- «5, С. 222»
- «6, С. 232»

Список литературы

1. Блумфилдт – Л.: Язык, 1968.
2. Кубрякова Е.С. Морфологическая структура слова в современных германских языках // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках, 1970.
3. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа, 1974.
4. Cambridge International Dictionary of English, 1995.
5. Webster's New Universal Unabridged Dictionary / Webster, Noah, 1983.
6. An Etymological Dictionary of Modern English / Weekly, Ernest, 1967.
7. Джаукян Г. Б. Вопросы компаративной грамматики, 1998.
8. Джаукян Г. Б. Проблемы теории и истории армянского языка, 2001.
9. Ачарян Р. А. Этимологический корневой словарь армянского языка, 1971-1979.
10. Абрамян С. Г., Панасян А.А., Оганян А. А. Современный армянский язык / Морфология, 1974.

Саркисова В. В.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ С ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ

В устном творчестве разных народов представлены заговоры как одно из проявлений народного искусства слова. Именно заговоры на языковом уровне отразили динамику формирования человеческого сознания и мировоззрения на протяжении многих веков.

Объектом научного исследования заговор как особый жанр стал еще в XIX в. Вопросу о происхождении заговора в аспекте соотношения заговорного слова и действия уделяли внимание А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Ветухов, Е. Н. Елеонская, В. Ф. Миллер, А. А. Шахматов, в более позднее время (начало XX в.) – А. А. Астахова, Н. Ф. Познанский.

Н. Крушевский и другие приверженцы мифологической школы использовали заговоры как материал для реконструкции мифов. В конце XIX – начале XX в. исследователи пытались также определить степень влияния христианской традиции на систему персонажей заговора, его образный ряд.

В XX в. в русле изучения различных процессов речевой деятельности внимание ученых направлено в том числе и на исследование процесса текстообразования. Фольклорные тексты в этой связи толкуются как суммы «застывших» смыслов. Изучением заговоров, прежде всего, как фольклорного жанра занимаются Г. А. Барташевич, Н. Н. Москаленко, В. В. Шевченко. С точки зрения деятельностного подхода фольклорный текст представлен в трудах Г. И. Мальцева, С. Е. Никитиной, А. Т. Хроленко и др. В. Н. Топоров исследует заговор как текст-код, О. А. Черепанова и А. В. Юдина посвятили свои работы заговорной ономастике.

Из собственно лингвистических работ еще можно назвать диссертацию Н. В. Гультовой, описавшей лексику русского заговора.

При очевидной актуальности изучения этого жанра гуманитариями так же совершенно очевидна исследовательская лакуна в плане языковых особенностей заговора.

В настоящей работе исследуются употребляемые в заговорах слова с лексической семантикой времени – темпорлексема – с точки зрения семантических признаков, актуализируемых в тексте.

К выделенным темпорлексемам относятся слова день, ночь, заря.

День – наименее употребляемая лексическая единица, фиксируется преимущественно в любовных заговорах: «...Чтоб раб Божий (имя) скучал, от тоски отдыха не знал, ни днем светлым, ни ночью темной» [9, с.294].

При словоцентрическом подходе семантический объем лексемы определяется с учетом его словарной фиксации. Данная лексема в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. М. Ушакова (1935-1940 гг.) определяется как: «1. Часть суток, промежуток времени от утра до вечера. 2. Сутки, промежуток времени в 24 часа. || Неопределенный промежуток времени в пределах суток, принимаемый за отдельные сутки при счете в быту. 3. Промежуток времени (в пределах суток календарного дня), занятый какой-н. социальной деятельностью. 4. Календарная дата, число месяца, посвященное какому-н. событию. 5. только мн. Время, пора, период» [10, т.2, с.688]. И более чем через полвека «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС) лишь незначительно корректирует дефиниции: ЛСВ₁ – «1. Часть суток от восхода до заката солнца, от утра до вечера. День прибавился на сорок минут.» [1, с. 251], ЛСВ₂ – такой же, однако без словоупотребления «|| Неопределенный промежуток времени в пределах суток, принимаемый за отдельные сутки при счете в быту» (Там же), в ЛСВ₃ смещены акценты: «Промежуток времени (в пределах суток календарного дня), характеризующийся чем-л. или предназначенный для чего-л., занятый чем-л. День отдыха. Субботний день.» (ср. «занятый какой-н. социальной

деятельностью») (Там же), ЛСВ₄ и ЛСВ₅ практически идентичны, однако у последнего развивается употребление «|| Жизнь. До конца своих дней» (Там же).

Текстоцентрический подход позволяет установить, какая семема функционирует в данном тексте и какие семы актуализируются. В приведенном выше примере слово *день* используется в ЛСВ₁ с актуализацией собственно временной семантики. Одновременное контекстное использование слова *ночь* с актуализацией того же семантического признака формирует понимание того, что речь идет о сутках (*день и ночь – сутки*). Вторичной актуализацией характеризуется семантический признак ‘степень освещенности’ при активизации семы ‘свет’, которая на синтагматическом уровне эксплицируется в слове *светлым*.

В заговоре «Утоли голод, но не утоли тоску по мне, Божьей рабе (имя): ни годами, ни месяцами, ни **днями** и не часами, ни единой минуткой. [9, 285] актуализируется семантический признак ‘единица измерения времени’, имплицированный в дефиниции этого слова, но материально выраженный в определениях контекстных партнеров – *слов минута* [1, с. 544], *час* [1, с. 1467], *месяц* [1, с. 536], *год* [1, с. 213].

Понятие «целый день» в тексте может передаваться адвербиализованным сочетанием *день-деньской*: «Есть бы ему и не заедать, пить бы ему и не запивать, в разлуке скучать, страдать, **день-деньской** покою и продыху не знать» [9; с. 273].

Следующая по частотности употребления в заговорах темпорлексема – **ночь**: «**Ночь** темная, **ночь** тихая, сидишь ты на коне буланом, на седле соколином, запираешь ты амбары, дворцы и хлева, церкви и монастыри и киевские престолы: запири моим врагам губы и губищи, зубы и зубищи, очи и очища, чтоб они на меня, рожденную, крещеную рабу (имя) *гнева в сердце не держали, чтоб все меня уважали*» [8, вып. 2, с. 35].

Слово **ночь** в «Словаре современного русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой определяется как «часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра / темнота, мрак во время этой части суток» [6, т. 2, с. 512], БТС практически дублирует эту дефиницию [1, с. 658]. Такое определение позволяет выделить семы ‘часть суток’, ‘от захода’, ‘до восхода’, ‘от вечера’, ‘до утра’, ‘темнота’.

В приведенном примере на синтагматическом уровне эксплицируется семема ‘темнота’ и семантический признак ‘наличие звуков’ с актуализацией семы ‘тишина’. Словоцентрический анализ не позволяет выделить это значение. Данный контекст указывает на прагматический признак, который актуализируется в слове *ночь* – ‘время прекращения активной деятельности человека’. Он реализуется с помощью метафорического употребления слова *ночь*, в частности, функционального переноса: «**Ночь** темная, **ночь** тихая, ... *запираешь ты амбары, дворцы и хлева, церкви и монастыри и киевские престолы*», «**Ночка, ноченька!** *Запираешь ты ограды и башни. Запири моим ворогам рты, чтоб против меня раба Божьего (имя), рта не раскрывали, слова худого не казали*» [9; 222].

В деривате слова существительного *ночь* – наречии *ночью* – может реализоваться прагматическое же значение ‘время сна’: «*Гоните от всех гробов рабу болящую, **ночами** не спящую...*» [8, вып. 9, с. 83].

Достаточно высокая частотность слова *ночь* по сравнению со словом *день*, возможно, объясняется внеязыковыми знаниями об этом понятии. В славянской символике *ночь*, как и *темнота*, означает докосмическую и предродовую тьму, предшествующую возрождению или инициации и просветлению, а также хаос, смерть, безумие, и возвращение к утробному состоянию мира. По Гесиоду, *ночь* – «Мать Богов» и окутывающий аспект женской силы, а идти под покровом *ночи* – означает тайное знание [5, с. 218].

Максимально частотная темпорлексема в заговорных текстах – **заря**.

Лексическая единица *заря* в БТС определяется как «1. Яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца. || *Время появления на горизонте такого освещения. 2. чего. Начало, зарождение, ранняя пора чего-л.*» [1, с. 343].

В. И. Даль определяет *зарю* как «видимый свет или освещение от солнца, находящегося под небосклоном; отражательный свет до восхода и по закате солнца; время это и самая продолжительность его» [2, т. 1, с. 627]. Данное понятие «родственно лит. žarjā, мн. žarjūs «раскаленные уголья», др.-прусс. sagi «жар», греч. χαρόλος «лучезарный» [11, т. 2, с. 81].

В «Словаре символов» отмечено, что «в устном народном творчестве, в частности заговорах, употребляются три зари: утренняя, вечерняя, полуденная. Это символические образы, которые обозначают определенные сакральные промежутки времени... [7, с. 98]: «*Гоните от всех гробов рабу болящую, **ночами** не спящую, **денно** и **ночно** и **по всем зорям***» [8, вып. 9, с. 83].

Четкая закреплённость зари за определенным промежутком на временной оси делает это понятие естественной начальной и предельной точкой отсчета: «*Встану я рано, **утренней зарей**... **Лягу я поздно, **вечерней зарей**...***» [3, с. 326].

Так же, как ничто не может изменить указанные временные границы, неизменным должно быть и заговорное слово, которое ставится в тот же ряд: «***Утренняя заря до полудня, вечерняя заря до полуночи** а лихорадка **до моего слова. Аминь.***» [8, вып. 10, с. 16].

Именно с помощью зари в заговоре матери от тоски по родному сыну говорящий определяет временные рамки описываемого действия: «*Разрыдалась я... **с красной утренней зари**, во чисто поле гляючи...*» [3, с. 320].

Но *заря* – это событие, которое протекает во времени и, естественно, членимо на части. Так становятся возможными понятия *ранняя заря*, *поздняя заря* и т.п.: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа. **Ранняя заря**, роняй свои стрелы не вверх, ни вкривь, а в кровь раба Божьего (имя)*» [8, вып. 12, 6]; «*Вставала я в красную утреннюю **зарю** **раным рано:***» [3, с. 293].

Подобно большинству реалий-адресатов, используемых в магических формулах, в заговорах *заря* персонифицируется. Она осмысливается чаще всего как юная девушка, что находит отражение в обособленном приложении: «***Заря-зарница, красная девица, тебе на потуханье, рабе Божьей (имя) на засыпанье.***» [8, вып. 3, с. 56].

Часто слово *заря* сопровождается лексемами с натальной семантикой: «***Заря-зарница, родимая моя сестрица, У тебя 7 сыновей, 7 дочерей. Возьми и нас, с восьмой. То, чем крестили. То, чем дитя загубили***» [8, вып. 9, с. 84]; «***Матушка, **утренняя Заря** ...***» [8, вып. 7, 94].

Кроме того, заря в заговорах ассоциируется с царственной особой: «*Заря – зарница, красная девица, сама мати и царица;*» [3, с.341]; *Заря-зарница, мать светлая царица! Кто кормит тебя? Кто питает тебя? Сложи с меня, сними с меня жор, посади на запор.* []

Высшая степень персонализации проявляется в наделении зари (ее разновидностей) именами людей: «*Матушка, утренняя Заря Мария, вечерняя Заря Маремьяна, мать-сыра земля Ульяна, царицу Небесную вы видали? Пути-дороги ей освещали?»* [8, вып.7, 94]; «*Во имя Отца и Сына и святого Духа. Тихон преподобный дневной, Антип неверный ночной, Утренняя заря Ульяна, Идите до рабы Божьей (имя больной). Тихон преподобный – дневать, Антип неверный – ночевать, Ульяна – рабу Божью (имя) врачевать*» [8, вып. 12, 108]. С одной стороны, никакой закономерности в использовании тех или имен нет (в первом примере Ульяна – имя земли, во втором – утренней зари), с другой, – не случайно имя *утренней* зари – Мария, как у Богоматери: «*Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подыте вы, сымайте тоску...*» [3, с. 333]; начальные слоги имен всех зорь – *Ма*, как в *Марие*. В заговоре «Присушать девок» адресант прямо указывает: «*Пойду я, раб Божий, по зарю Марью, по зарю Маремьяну, ко Господню престолу, на Господнем престоле мати Мария и Маремьяния: приду я к тебе, рабе Божий (имя рек), помолюся и низко поклонюся, как на тебе нетленные ризы держатся, так бы...*» [3, с. 334-335].

Слово *заря* имеет звуко-буквенный вариант *зоря*, а в форме мн. ч. – *зори*. В украинском языке *зоря*, а в болгарском *зоря* помимо значения «заря» обозначают также звезду (утреннюю).

И в русских заговорных текстах встречается слово *зоря* в значении «звезда»: *Зори вы мои ясные, Зори вы мои красные. Соберитесь вы, зорюшки в один сулган. Ходите вы высоко, видите вы далеко, не идите вы ни на поле, ни на море, а пойдите вы к моему сынку.* [8, вып. 10, с. 61]

Слово *заря* в заговорах характеризуется высокой слово- и формообразовательной активностью. Прежде всего, обращает на себя внимание гипокористик *зорюшки*: *Зорюшка моя, сними мое горюшко: росами, дождями, чистыми снегами.* [8, вып. 10, с. 61], частотно сложение с редупликацией *заря-зарница*. В последнем случае вторая часть сложения может характеризоваться как дериват с субморфом *-ниц*, а может все производное (*заря-зарница*) быть определено как юкстапозит, второй частью которого выступает слово *зарница* – «мгновенная световая вспышка без грома на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы» [1, 342]. В таком случае речь очевидно идет о вечерней заре, что может эксплицироваться в тексте: «*Заря-зарница... тебе на потуханье*» [3, 56].

Н. Крушевский – представитель мифологической школы – искал корни заговорных персонажей в языческой мифологии. Выбор того или иного героя, по его мнению, зависел от функциональной направленности текста. Например, *заря* появляется в любовных заговорах потому, что она «обыкновенно покрывает» /защищает/ своей пеленой людей» [4, с. 34]. «*Русалочки-разжизалочки, кидайтесь, бросайтесь во сне рабу (имя) на белу грудь, разожгите во сне и наяву ретиво сердце добра молодца, раба (имя), чтоб по девкам заскучал, по жене ласковой, по детской пеленке, по мокрой распашонке, по девичьей груди, сахарным устам. Марьюшка-зорюшка, заря-зареница, красная девица, повяжи брачными узами раба Божьего (имя). Аминь*» [8, вып. 2, с. 54].

Таким образом, в заговорах темпорлексема характеризуются разной частотой употребления. Максимально частотно слово *заря*, что характерно для произведений фольклорного жанра, реже используются слова *ночь* и *день*. В контексте актуализируются, прежде всего, денотативные признаки указанных лексем, но могут реализоваться и прагматические признаки. Текстотрический подход к анализу указанных лексем позволяет уточнить словарные дефиниции последних.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. /Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Изд.-е 7-е. – М.: Русский язык, 1978.
3. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Издание книготорг. – М.: Березина, 1880.
4. Крушевский Н. Заговоры как вид русской народной поэзии // Варшавские университетские известия. – В.:1876. Кн. 3.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов. Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век». Книга 4, – М., 1995.
6. Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984
7. Словник символів культури України /За загальною редакцією В.П. Кошура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. – К.; Міленіум, 2002. – 260 с.
8. Степанова Н. И. Заговоры сибирской целительницы. – Вып.1-20. – М., 2000-2005.
9. Степанова Н. И. 5000 заговоров сибирской целительницы. – М.: Рипол, 2006.
10. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1963.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В – 4-х т. М., 1986.

Сахарова О. В.

КРАЇНА СВІТУ ЯК ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ КОНЦЕПТ

Отримання, збереження та відтворення інформації про світ у вербалізованій формі, трансляція фрагментів такої інформації у комунікативних та пізнавальних процесах залишаються ключовими проблемами сучасної когнітивної, психолінгвістики та інших міждисциплінарних галузей.

Концептуальні засади аналізу представлені в працях Н. Д. Арутюнової, С. Г. Воркачова, В. І. Карасика, О. Д. Кошелева, О. С. Кубрякової, Д. С. Ліхачова, В.А. Маслової, Г. Г. Слишкіна, Н. В. Слухай, І. А. Стерніна, Ю. С. Степанова та багатьох інших дослідників. У центрі уваги лінгвістів опинилися проблеми визначення, кваліфікацій та класифікацій концептів, їх ознаки, напрямки дослідження тощо.

Особливе місце посідає питання про співвідношення індивідуальної картини світу з універсальною, етноспецифічною, соціумною, які впливають на свідомість індивіда, формуючи сукупність стереотипів, так званих, «прецедентних феноменів» [3].

Паралельно виникає низка питань про природу та закономірності процесів впливу, їх роль у формуванні індивідуальної картини світу, про залежність особистості від стереотипів, сформованих у суспільстві, тощо.

Невід'ємною частиною інформації про світ є уявлення про його складові, зокрема, про різні країни. Когнітивний зміст цих знань у представників різних соціальних груп (переважно – вікових) був отриманий в